

ПЛАНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ ПОД ЭГИДОЙ ЭКЗАРХА СЕРГИЯ (ВОСКРЕСЕНСКОГО) В 1941–1944 ГГ.

К. П. ОБОЗНЫЙ

Аннотация: В статье показаны основные направления внешнецерковной политики митрополита Сергия (Воскресенского), который в период с апреля 1941 по май 1944 г. руководил деятельностью Прибалтийского экзархата Московской Патриархии. Основными источниками стали, во-первых, опубликованные материалы немецких оккупационных ведомств, курировавших церковные вопросы; во-вторых, документы из канцелярии Прибалтийского экзархата; в-третьих, дневниковые записи и воспоминания участников событий. При изучении этих материалов удалось установить, что контакты и переговоры с немецкими оккупационными властями и сохранение юрисдикционной общности с Московской Патриархией были важными составляющими церковной политики экзарха, направленной на объединение православных церквей под эгидой Московской Патриархии. Свою церковную власть, а значит и расширение канонических границ Московской Патриархии митрополит Сергий (Воскресенский) пытался распространить на всей территории рейхскомиссариата Остланд, на оккупированной территории Смоленской области, на территории Франции и Германии. В Центральной Европе сохранялись православные приходы юрисдикции Московской Патриархии и митрополита Евлогия (Георгиевского), которые испытывали серьезное давление немецких властей. Прибалтийский экзарх старался поддержать не только приходы Московской Патриархии, но и евлогианские общины, находившиеся в юрисдикции Константинопольского Патриарха, тем самым предлагая вернуться им в юрисдикцию Москвы. Планы экзарха по объединению православных церквей в единую структуру противоречили генеральной доктрине Третьего рейха, а потому были обречены на провал. Не стоит недооценивать изменения на фронтах Второй мировой войны и укрепление авторитета СССР, в том числе значение «нового курса» сталинской религиозной политики. Именно поэтому митрополит Евлогий в Париже после избрания Патриарха в Москве свои надежды на возвращение в Московский Патриархат перестал связывать с Прибалтийским экзархатом.

В отечественной исторической науке последних 20 лет все больше проявляется интерес к изучению церковных сюжетов периода временной немецкой оккупации советских территорий. На этом фоне особенно выделяется история Прибалтийского экзархата и яркая деятельность митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского). Подобная притягательность вполне объяснима тем фактом, что сама личность митрополита Сергия до сих пор остается фигурой пререкаемой. Для кого-то он - пособник нацистского режима, высокопоставленный коллаборационист в облачении православного епископа¹, для других — тайный агент НКВД, действовавший с согласия высшей иерархии в Москве и поддерживавший связь с советской разведкой², для третьих — мученик, принесший себя в жертву ради блага церковного и бескомпромиссный борец с большевизмом³.

В данной статье будут затронуты стороны деятельности экзарха Сергия, более связанные с вопросами церковного управления, канонического основания деятельности экзархата и планов послевоенного будущего Московской Патриархии. В крайне нестабильной военно-политической обстановке глава Прибалтийского экзархата не довольствовался скромной ролью епископа русского меньшинства на прибалтийских землях, которую ему отводили оккупационные власти, но устремлялся в своих планах к объединению разрозненных частей некогда единой Православной Российской Церкви.

Основной блок источников, которые позволяют изучить приоритетные направления внешнецерковной деятельности митрополита Сергия (Воскресенского), был недавно опубликован в сборнике под редакцией С. К. Бернева⁴. Здесь были обнародованы редкие документы, долгие годы хранившиеся в архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Особенно ценные материалы из фонда канцелярии Прибалтийского экзархата — личная переписка экзарха Сергия, отчеты и докладные записки начальника экзаршей канцелярии профессора И. Д. Гримма. В 2017 г. в издательстве Оптиной пустыни был выпущен двухтомный сборник «История Псковской православной миссии в документах»⁵, в первом томе которого были помещены материалы, изданные ранее в книге С. К. Бернева. Несмотря на то что позиция авторов-составителей и светского, и церковного издания документов канцелярии Прибалтийского эк-

¹ Балевиц З. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига, 1967; Ковалев Б. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004.

² Васильева О. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.

³ Голиков Андрей, священник, Фомин С. Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955): Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. М., 1999. С. 8–32.

⁴ Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский Экзархат и Псковская Православная Миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944: сб. документов / авт.-сост.: С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2016.

⁵ История Псковской православной миссии в документах: в 2 ч. Ч. 1: Документы личного архива митрополита Сергия (Воскресенского); Ч. 2: Документы судебно-следственных дел духовенства и служащих / науч. рук. игум. Дамаскин (Орловский); сост. иеромонах Платон (Рожков), С. Н. Романова, Л. И. Соколова, З. Н. Столярова. Козельск, 2017.

зархата и Псковской миссии вызывает нарекания⁶, некоторые материалы позволяют значительно увеличить исследовательский спектр вопросов, затрагивающих внешнецерковную деятельность экзарха Сергия.

Следует начать с самого факта и обстоятельств, при которых митрополит Сергий (Воскресенский) в июне 1941 г. уклонился от эвакуации в Москву. По мнению некоторых исследователей, этот шаг «советского» епископа можно объяснить не только стойкой антикоммунистической позицией⁷, но и вероятной договоренностью с митрополитом Московским Сергием (Страгородским)⁸. Летом 1941 г. возможность падения столицы СССР была очень высока. В таких условиях наиболее перспективным центром сохранившейся структуры Московской Патриархии мог стать Прибалтийский экзархат. Особенно важен был личностный фактор, связанный с управленческими талантами экзарха и его верностью Московской Патриархии. Последний фактор обретал особую актуальность вначале немецкой оккупации, когда митрополит Рижский Августин (Петерсон) и митрополит Таллиннский Александр (Паулус) открыто заявили о своем каноническом разрыве с Москвой и переходе в юрисдикцию Константинопольского Патриархата⁹.

Экзарх Сергий сумел убедить оккупационную администрацию в том, что для Германии в данный момент гораздо выгоднее сделать ставку на представителя Московской Патриархии, а не поддерживать схизматические устремления епископов, стремившихся вернуться в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, в тот момент поддерживающего через доверенных лиц активные связи с правительством Великобритании¹⁰.

Рост авторитета митрополита Сергия (Воскресенского) среди православных граждан Прибалтики¹¹ и мощный духовный подъем на оккупированных территориях Северо-Запада России не могли не привлечь внимание немецких властей. В октябре 1941 г. Карл Розенфельдер, руководивший группой религиозной политики Рейхсминистерства занятых восточных территорий, составил мемо-

⁶ Подробнее см.: Петров И. В., Обозный К. П. Ревность не по разуму // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1329–1338; Обозный К. П. Влияние идеологии на историческое исследование на примере изучения Псковской православной миссии. Рец. на кн.: История Псковской православной миссии // в документах: в 2 ч. Ч. 1: Документы личного архива митрополита Сергия (Воскресенского); Ч.2: Документы судебных дел духовенства и служащих / науч. рук. игум. Дамаскин (Орловский); сост. иеромонах Платон (Рожков), С. Н. Романова, Л. И. Соколова, З. Н. Столярова. Козельск: Введенский ставропигиальный монастырь, Оптина пустынь, 2017 // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 85. С.157–165.

⁷ Лаукайтис Р. Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского) // Православие в Балтии: Научно-аналитический журнал. Рига. 2015. № 3 (12). С. 101.

⁸ Васильева О. Указ. соч. С. 86.

⁹ Подробнее см.: Петров И. Православная Балтия 1939–1953 годов: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб., 2016. С. 143–200.

¹⁰ Алексеев В., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 14. С. 131–132.

¹¹ См.: Гаврилин А. Под покровом Тихвинской иконы: Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб., 2009. С. 146.

рандум, в котором были предложения о перспективах развития единой линии церковной политики в Остланде. Во-первых, Розенфельдер призывал к осторожности «по отношению к эмигрантской церкви», тем самым подтверждая общее направление нацистской политики сдерживания внешней активности Русской Зарубежной Церкви. Во-вторых, он предлагал «по возможности препятствовать Православной Церкви в России превратить Московский Патриархат в общецерковный центр на Востоке» и одновременно с этим поощрять образование автокефальных церквей в отдельных рейхскомиссариатах. В-третьих, предложение немецкого чиновника было вызвано действиями митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского): «Насколько возможно быстро удалить из Остланда представителя Московской Церкви в Остланде экзарха Сергия, чтобы полностью исключить там влияние русских». Завершается этот документ предостережением от ошибок в области церковной политики на Востоке: «Каждое ошибочное мероприятие и любые неединообразные действия различных ведомств будут иметь вредные последствия для рейха»¹².

Опасения Розенфельдера оказались не напрасны. В ноябре 1941 г. в экзаршей канцелярии был подготовлен меморандум о положении Православной Церкви в Остланде. Этот пространный документ содержал основные задачи и принципы, на которые следовало опираться для поддержания церковного порядка. В тексте меморандума перечислены четыре основных принципа — единства, канонической законности, автономии, церковного единоначалия. Наиболее болезненно немецкие власти восприняли первый принцип, поскольку в нем проявились амбиции экзарха Сергия на расширение канонических границ Московской Патриархии на территорию Белоруссии. Административные границы Остланда охватывали не только территории Литвы, Латвии и Эстонии, но и часть современной Белоруссии. В связи с этим экзарх Сергей предлагал свой план объединения церковных структур: «Стоило бы экзархат связать с белорусскими епархиями в более высокую единицу. Чтобы достичь этого, необходимо предоставить мне возможность встретиться с правящими белорусскими архиереями. Тогда мы сможем, воспользовавшись нашей автономией, избрать или же признать одного из нас главным руководителем Православной Церкви в Остланде»¹³.

Экзарх Сергей (Воскресенский) понимал непредсказуемость реакции оккупационных властей Остланда на его планы укрупнения церковной структуры. Другим препятствием в этом замысле была сложная внутрицерковная ситуация в Белоруссии. Сразу несколько влиятельных церковных сил пытались закрепить себя в Белоруссии — митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), архиепископ Берлинский Серафим (Ляде), представители «Украинской автокефальной церкви». Кроме того, среди некоторой части образованных белорусских клири-

¹² Из меморандума Розенфельдера руководству Восточного министерства «Предложения о церковной политике в Остланде» (см.: Шкаровский М. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. М., 2003. С. 226–227).

¹³ Меморандум митрополита Сергия (Воскресенского) по поводу положения Православной Церкви в Остланде от 12 ноября 1941 г. (см.: Шкаровский М., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма (Митрополит Сергий (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике 1941–1944 гг.). М., 2013. С. 206).

ков и мирян начала вырваться идея создания Белорусской автокефалии, независимой от Московской Патриархии. Именно этот проект был для оккупационных властей наиболее соответствующим генеральной линии конфессиональной политики Третьего рейха, нацеленной на максимальное раздробление структур Православных Церквей. Жертвой этой политики стал глава Белорусской Православной Церкви митрополит Пантелеимон (Рожновский). После безуспешных попыток добиться от него решительных шагов на пути к обретению автокефалии белорусский национальный актив обратился за поддержкой к оккупационной администрации. После этого митрополит Пантелеимон, как основное препятствие в осуществлении планов сторонников автокефалии, был отправлен в почетную ссылку в монастырь в Ляды¹⁴.

В Берлине амбициозные планы главы Прибалтийского экзархата были восприняты крайне болезненно, было высказано мнение, что само сохранение экзархата было недалновидным решением: «Назначенный в советский период в Ригу московскими правителями экзарх Сергей был оставлен на своей должности военной администрацией и также введенным затем гражданским управлением в результате, по-моему, ошибочного мнения, что эту Церковь можно было бы использовать в борьбе против большевизма»¹⁵.

Вскоре митрополит Сергей получил предписание в срок до 5 марта 1942 г. покинуть Ригу и оставаться в городе своей епископской кафедры — Вильно. Несмотря на это, митрополит продолжал управлять делами Прибалтийского экзархата. Через доверенных лиц — курьеров В. Караваева, Г. Ильинского, Г. Радецкого — он регулярно отправлял распоряжения в Ригу в экзаршную канцелярию, которую возглавлял профессор И. Д. Гримм¹⁶.

Казалось бы, весной 1942 г. история Прибалтийского экзархата должна была завершиться. Однако затянувшаяся война вносила свои коррективы в оккупационную политику. За подписью рейхскомиссара Лозе в июне 1942 г. вышел приказ, предварительно согласованный с рейхсминистром Розенбергом и адресованный генерал-комиссарам Остланда, о курсе церковной политики на занятых территориях Прибалтики и Белоруссии. Указания Лозе касались не только Православной Церкви. Так, например, в отношении Католической Церкви в Литве был принят запрет ее деятельности в генеральном округе Белоруссии. Подобные ограничения коснулись и деятельности экзарха Сергея: «Предписываю... чтобы и далее в генерал-бецирке Белоруссия было запрещено действовать... Православной Церкви прибалтийских генерал-бецирков, особенно архиепископу¹⁷ в Вильно и подчиненным им органам». Вместе с тем приказ рейхскомиссара недвусмысленно предписывал необходимость сохранения Прибалтийского экзархата в границах прибалтийских генеральных округов, желательность «оставления в этой Церкви русского руководителя» и сохранение возможности для

¹⁴ Миронович А. Православная Церковь на территории Белоруссии во время Второй мировой войны // Православие в Балтии: Научно-аналитический журнал. 2015. № 3 (12). С. 68.

¹⁵ Шкаровский М. Политика Третьего рейха... С. 227.

¹⁶ Подробнее см.: Обозный К. Профессор Иван Давыдович Гримм: Штрихи к биографии // Православие в Балтии. 2015. № 3 (12). С. 76–96.

¹⁷ В документе ошибочно митрополит Сергей (Воскресенский) назван архиепископом.

эксарха Сергия руководить церковной и пропагандистской работой «на территории группы армий “Север”»¹⁸.

Этот поворот церковной политики оккупационных властей позволил митрополиту Сергию вернуться в Ригу, руководить экзархатом и управлять делами Псковской Православной миссии. Именно в этот момент, заручившись поддержкой рейхскомиссара, эксарх Сергей довел юрисдикционное противостояние с Рижским и Таллиннским епископами до логического завершения. В июне 1942 г. своим указом он запретил в священнослужении митрополита Августина (Петерсона), а в ноябре того же года собор епископов Прибалтийского экзархата запретил в служении митрополита Александра (Паулуса). Не следует этот факт рассматривать в качестве свидетельства особого расположения Х. Лозе к нуждам Прибалтийского экзархата. Скорее была сделана ставка на епископа, имеющего наибольший авторитет среди православных граждан Прибалтики. Кроме того, немецкие власти все более отчетливо понимали, что не меньшую опасность для реализации планов завоевания жизненного пространства представляют национальные и церковно-национальные движения.

Весьма показательна неприметная на первый взгляд деталь документа о запрещении в служении митрополита Августина (Петерсона). В итоговой части указа объявлено, что сослужение с запрещенным повлечет за собой «последствия, предусмотренные в 10 Апостольском правиле»¹⁹. Здесь же перечислены лица, которым следует направить текст указа для исполнения и ознакомления: митрополит Августин (Петерсон), временно управляющий Латвийской епархией епископ Мадонский Александр (Витоль), епископ Ковенский Даниил (Юзвюк), Благодичинный Западно-Европейских приходов в Париже²⁰. В связи с чем в этом ряду назван представитель западноевропейских приходов в Париже?

Наиболее вероятно, что эксарх Сергей (Воскресенский) в своем указе ставил в известность о принципиальной позиции в отношении епископа-схизматика представителей Московской Патриархии, которая в Париже была представлена Трехсвятительским подворьем. После того как в 1930 г. митрополит Евлогий (Георгиевский) был отстранен от управления западноевропейскими приходами, а в 1931 г. был запрещен в служении Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), большая часть приходов последовала за митрополитом Евлогием и его юрисдикционным выбором в пользу Константинопольского Патриархата. В ответ на это в Париже собралась небольшая группа единомышленников, принявших решение сохранять каноническую верность Московской Патриархии и организовавших Трехсвятительское подворье во главе с епископом Вениамином (Федченковым). Среди немногочисленных прихожан подворья были весьма известные люди — Н. А. Бердяев, В. Н. Лосский, М. А. Каллаш, И. А. Стратонов. В момент издания указа в Риге

¹⁸ Приказ рейхскомиссара Остланда Х. Лозе генерал-комиссарам о курсе церковной политики (от 19 июня 1942 г.) (см.: Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха... С. 232).

¹⁹ 10-е апостольское правило предупреждает: кто с отлученным от церковного общения помолится, будет также отлучен.

²⁰ Указ митрополита Сергия (Воскресенского) о запрещении в священнослужении митрополита Августина (Петерсона) (см.: Шкаровский М. В., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма... С. 214).

в 1942 г. настоятелем Трехсвятительского подворья в Париже был архимандрит Афанасий (Нечаев), исполняющий должность благочинного приходов Московской Патриархии во Франции²¹.

Сведения о том, получил ли архимандрит Афанасий указ экзарха Сергия, не сохранились. Однако доподлинно известно, что в православном Париже с большим вниманием и надеждой следили за энергичными действиями руководителя Прибалтийского экзархата. Как видно из переписки экзарха Сергия с парижскими корреспондентами, надежды эти были вызваны сложными обстоятельствами, в которых оказались и представители Московской Патриархии, и Западно-европейского экзархата. Непростые отношения митрополита Евлогия (Георгиевского) с Карловацким синодом в 1920–30-е гг.²² еще более осложнились после того, как весной 1936 г. правительство Пруссии приняло закон о присвоении православной Берлинской и Германской епархии РПЦЗ «статуса корпорации публичного права». Этот указ вскоре был распространен на все земли Германии. Таким образом, все православные церкви иных юрисдикций не только не пользовались государственной поддержкой, но и находились в положении частных организаций. Как пишет в своем труде А. А. Кострюков, при тоталитарном режиме Третьего рейха это могло означать полное поглощение официальной Церковью всех не признанных государством епархий, и «переход германских храмов митрополита Евлогия в РПЦЗ становился лишь делом времени»²³.

С началом немецкой оккупации Франции летом 1940 г. угроза церковной унификации нависла над приходами Западноевропейского экзархата и Московской Патриархии. Чиновники Рейхсминистерства церковных дел в Берлине вынашивали планы создания на территории Германии и на оккупированных европейских территориях единой епархии, которая в будущем станет единственной православной церковью Третьего рейха — Германской Православной Церковью²⁴. Как известно из дальнейшего развития событий, грандиозные планы были обречены на неудачу, уже в январе 1940 г. было принято решение отказаться от идеи создания «наднациональной Православной Церкви III Рейха»²⁵.

Однако летом — осенью 1940 г. церковная ситуация в оккупированном Париже требовала принятия срочных мер. Благодаря дневникам Петра Евграфовича Ковалевского, ближайшего сподвижника митрополита Евлогия, преподавателя Свято-Сергиевского Православного Богословского института и активного участника РСХД, стали известны факты о первоначальных планах возвращения Западноевропейского экзархата в Московскую Патриархию. С ноября 1940 по май 1941 г. в Париже прошло четыре собрания «двух юрисдикций», на которых

²¹ Пасхальный свет на улице Дарю. Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов / сост. Н. Росс. Н. Новгород, 2014. С. 329.

²² В январе 1927 г. (еще до выхода Декларации митрополита Сергия (Страгородского) Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей принял определение о запрещении в священнослужении митрополита Евлогия (Георгиевского).

²³ Кострюков А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М., 2015. С. 56.

²⁴ Там же. С. 64, 100.

²⁵ Шкаровский М. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М., 2014. С. 91.

обсуждались возможные шаги по объединению. Исходя из записей Ковалевского можно говорить, что в разное время в собраниях-переговорах участвовали представители Трехсвятительского подворья и собора на Дарю: П. Е. Ковалевский, Л. А. Зандер, М. А. Каллаш, В. Н. Лосский, В. В. Зеньковский, И. А. Стратонов, мать Мария (Скобцова), С. С. Верховский. Митрополит Евлогий в отношении такого хода событий был «настроен хорошо»²⁶. Однако на четвертом собрании, которое оказалось и последним, произошел инцидент, разрушивший надежду на примирение. Профессор Стратонов в пылу полемики заявил, что «тайнства в юрисдикции митрополита Евлогия — не тайнства и благодати в них нет». После такого выпада представители Западноевропейского экзархата покинули собрание²⁷.

В то же время (11/24 мая 1941 г.) Ковалевский отметил еще одно событие, которое имело серьезное значение и для эмигрантских приходов во Франции: «В Вильно приехал архиепископ Сергей, бывший викарий митрополита Сергия, который уже был в Литве на похоронах митрополита Елевферия, получил звание митрополита Литовского и Виленского и западноевропейским приходам дал указание поминать его на богослужениях»²⁸.

Действительно после смерти Литовского митрополита Елевферия (Богоявленского), который с 1931 г. по благословению митрополита Сергия (Старгородского) был назначен управляющим русскими приходами, находящимися в юрисдикции Московской Патриархии, архиепископ Сергей (Воскресенский) не только занял Виленскую кафедру, но и вошел в управление европейскими приходами Московской Патриархии. В таком случае становится понятным факт включения благочинного западноевропейских приходов в Париже в круг лиц, которым было необходимо довести до сведения указ о запрещении в служении митрополита Августина (Петерсона).

Первые подготовительные действия для сближения Прибалтийского экзархата и православных приходов в Париже были предприняты еще весной 1942 г. Ковалевский упоминает, что сразу после Пасхи в 1942 г. (05.04.) митрополит Евлогий получил письмо от экзарха Прибалтики «с определенными предложениями относительно окончания раскола». Автор дневника отмечал душевный подъем, с которым митрополит Евлогий воспринял это предложение, так как уже давно «мечтал о ликвидации раскола, а главное — прещения, которое так легко и безболезненно можно отменить и восстановить здесь, на Западе, общение между православными». Вместе с тем Ковалевский не скрывал своего недоумения по поводу того, что митрополит Евлогий сообщил об этом письме лишь очень небольшому кругу лиц и не открыл подведомственному клиру и пастве новость «о возможности окончания церковного разделения»²⁹. Осторожность митрополита Евлогия в непростой церковно-политической ситуации в Париже была вполне оправданна. Кроме того, вполне вероятно, что и автор письма просил митропо-

²⁶ Пасхальный свет на улице Дарю... С. 185.

²⁷ Там же. С. 210.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 265.

лита Евлогия не распространяться относительно таких планов, учитывая особую репутацию русского епископа в Прибалтике³⁰.

Следующая дневниковая запись, затрагивающая вопрос объединения церквей в одной юрисдикции, появилась в конце декабря 1942 г. Накануне митрополит Евлогий написал письмо с просьбой к экзарху Сергию в Ригу «о снятии прещения и о возвращении мира церковного». Как подчеркнул Ковалевский, «письмо написано чрезвычайно достойно и выражает все мысли, которые были нужны»³¹.

Таким образом, митрополиту Евлогию потребовалось девять месяцев, для того чтобы от планов возвращения в Московскую Патриархию перейти к конкретным шагам. При этом глава Западноевропейского экзархата не придавал серьезного значения тому, как на это может отреагировать Константинополь. Еще в 1931 г. он сохранял за собой право в будущем свободно выйти из подчинения Вселенской Патриархии: «Когда восстановится общепризнанная центральная церковная власть и нормальные условия жизни Русской Православной Церкви, мы вновь вернемся к прежнему положению... Это лишь временный перерыв официальных административных сношений с митрополитом Сергием, вызванный известными обстоятельствами»³². В конце 1942 г., по мнению митрополита Евлогия, появились возможности для устранения «временного перерыва» в общении с Московской Патриархией, и фигура экзарха Сергия (Воскресенского) в тот момент сомнений у него не вызывала.

Из документов экзаршей канцелярии известны факты особенностей общения двух митрополитов. Профессор Гримм пытался объяснить нерешительность митрополита Евлогия его слабой осведомленностью положения церковных дел в Остланде. По мнению парижского архиерея, ситуация в Прибалтийском экзархате была более стабильная, чем в Париже, и экзарх, пользуясь *большим* доверием у оккупационных властей, вполне мог «взять на себя почин и получить от германских властей согласие как на воссоединение его и его паствы с Церковью-Матерью, так в первую очередь и на установление почтовой связи с ним»³³. Далее Гримм, выступая в защиту митрополита Евлогия, просил экзарха Сергия учитывать, что «русская эмиграция во Франции подозревается в несочувственном отношении к германской политике и что это подозрение укрепились бы, если бы Митрополит Евлогий и связанные с ним эмигрантские круги» принялись возбуждать «вопрос о восстановлении через Вас своих канонических связей с Московским Патриаршам Престолом»³⁴.

³⁰ К сожалению, в настоящее время письма экзарха Сергия в Париж митрополиту Евлогию исследователями не обнаружены.

³¹ Пасхальный свет на улице Дарю... С. 290.

³² Цит. по: Савва (Тутунов), иером. Церковно-правовые основания существования «Парижской Митрополии» в 1921–1946 годах // Церковно-исторический вестник. 2005–2006. № 12–13. С. 109–110.

³³ Сообщение И. Гримма Экзарху Митрополиту Сергию о разговоре с Трампедахом по делу о патриаршей церкви в Западной Европе, 14 сентября 1942 г. (см.: Приказ: архив уничтожить!... С. 372).

³⁴ Там же. С. 371.

Сегодня неизвестно, какими источниками информации пользовался Grimm, но его интуиции не были беспочвенны. Действительно, в период немецкой оккупации Парижа неоднократно подвергались преследованию и арестам православные клирики и миряне независимо от их юрисдикционной принадлежности. Некоторые из них погибли в нацистских концлагерях и были причислены к лику святых Константинопольским Патриархатом³⁵.

Можно сказать, что И. Д. Grimm не просто выполнял задания митрополита Сергия, но выработывал тактику осторожного наступления в реализации планов создания единой церковной структуры под началом Прибалтийского экзарха. Прекрасной иллюстрацией этому служит отчет профессора Grimma, составленный по итогам разговора с начальником отдела политики рейхскомиссариата Остланд Трампедахом, который состоялся 11 сентября 1942 г. Хотя Grimm переговоры вел весьма осторожно (например, он не стал делиться намерением экзарха Сергия посетить Париж), однако немецкий чиновник довольно прохладно воспринял планы митрополита Сергия по расширению сферы церковного влияния на православные приходы во Франции и в Германии. Во-первых, Трампедах сразу же указал на то, что компетенция решения таких вопросов находится не в Риге, а в Берлине. Он подчеркнул, что настойчивость экзарха в данный момент обречена на провал и, более того, угрожает стабильности его положения в Прибалтике: «Если Экзарх заявит притязание такого рода, т. е. сделает попытку, не ограничиваясь пределами своего экзархата и районом Восточной миссии, участвовать в церковной жизни Германской империи и подвластных ей западных странах, то он не только не достигнет своей цели, но и подорвет свое положение в экзархате и в миссии, ибо тогда неминуемо явится подозрение, что он имеет честолюбивые церковно-политические замыслы, несовместимые с государственными интересами Германской империи. Самая личность экзарха получит в таком случае с германской стороны новую и притом отрицательную оценку, вследствие чего станет под вопрос дальнейшее признание его прав на экзархат и на руководство миссией»³⁶.

Несмотря на такой жесткий выпад Трампедах, профессор Grimm отреагировал новыми обоснованными предложениями. Он подчеркнул, что западноевропейские приходы Московской Патриархии после смерти митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского) остались без духовного окормления, целый ряд церковно-приходских дел, далеких от политики, нуждаются в архиерейском попечении. К этому Grimm добавил (не называя имени митрополита Евлогия), что часть эмигрантских приходов во Франции выразили желание воссоединиться с Патриаршей Церковью. Тут же представитель экзарха поделился с Трампедахом видением того, как из Риги можно управлять делами православных приходов

³⁵ Аресту подвергались настоятель Трехсвятительского подворья Московской Патриархии архимандрит Афанасий (Нечаев), священник Михаил Бельский и др. Погибли в нацистских концлагерях профессор И. А. Стратонов, монахиня Мария (Скобцова), священник Дмитрий Клепинин. Некоторые из них были действительно связаны с Движением Сопротивления. Монахиня Мария и священник Д. Клепинин канонизированы Константинопольским Патриархатом в 2004 г.

³⁶ Сообщение И. Grimma Экзарху Митрополиту Сергию о разговоре с Трампедахом по делу о патриаршей церкви в Западной Европе, 14 сентября 1942 г. С. 368–369.

Центральной Европы: «Экзарху предоставляется наиболее удобным устранить все эти затруднения посредством назначения викария, который, проживая на Западе, управлял бы тамошними приходами, находясь в контакте с соответственными органами германской власти, причем со стороны экзарха никакого вмешательства во внутреннюю жизнь западных стран не наблюдалось бы»³⁷.

Хотя доводы начальника экзаршей канцелярии были логичны, Трампедах оставался непреклонным. Назначение экзархом викарного епископа во Францию, по сути дела, распространит власть митрополита Литовского на Европу, что противоречит директивам церковной политики Германии. Вопрос о возможном присоединении эмигрантских западноевропейских приходов к Патриаршей Церкви может быть обсужден только после окончания войны, к тому же на территории Германии уже есть православный епископ — митрополит Серафим (Ляде), который имеет признание на государственном уровне. В случае, если какие-то приходы не желают входить в его управление, а стремятся под духовное водительство экзарха Прибалтики, они должны в этом проявить инициативу и обратиться с соответствующим прошением в Берлин³⁸.

Казалось бы, после столь категоричного ответа нужно было оставить все намеченные задачи и послушно ждать окончания войны. Однако Гримм не был склонен к пессимизму, предполагая, что с изменением внешних обстоятельств могут измениться и современные жесткие подходы оккупационных властей. Гримм выступал за продолжение осторожных шагов по реализации внешнецерковных планов: «...надо только действовать постепенно, не поднимая всех вопросов сразу, но располагая их в порядке возрастающей трудности: сперва взяться за вопрос о Берлинском приходе, затем, если он благополучно разрешится, за вопрос о патриарших приходах во Франции. Наконец, если и это дело устроится, за вопрос о присоединении к Вам приходов (ныне окормляемых Митрополитом Евлогием): может быть, после того возникнет еще и вопрос о приходах карловацкого епископата; но торопиться с постановкой всех этих вопросов и непременно стремиться к тому, чтобы они решились еще до окончания войны, не следует — таким нерасчетливым напором можно только повредить церковному делу»³⁹.

Судя по дальнейшим событиям, тактика постепенных шагов на пути к единению частей православных церквей, предложенная профессором Гриммом, была полностью воспринята экзархом Сергием. Пользуясь его доверием, Гримм продолжал вести переговоры с немецкими чиновниками в Риге, отстаивая интересы экзархата, а сам митрополит Сергей в 1943 г. поддерживал довольно активную переписку с парижскими адресатами, пытаясь во Франции найти возможности для реализации планов своего визита в Париж и дальнейшего ведения переговоров о сближении церквей в Европе и в Прибалтике. Среди тех, с кем вел переписку митрополит Сергей, были его хорошие знакомые — Анатолий Проваторов, протоиерей Николай Цветков, а также те, с кем личных встреч у экзарха не было, — архимандрит Афанасий (Нечаев), В. Н. Лосский, М. А. Каллаш, В. Н. Бибилов. Вся переписка осуществлялась через доверенное лицо — А. Проваторова, быв-

³⁷ Сообщение И. Гримма Экзарху Митрополиту Сергию... С. 369.

³⁸ Там же. С. 369–370.

³⁹ Там же. С. 372–373.

шего иподиакона митрополита Сергия, с которым он общался в Прибалтике в период немецкой оккупации⁴⁰. Именно он в мае 1943 г. написал письмо экзарху Сергию с различными предложениями, как можно получить разрешение у властей нанести официальный визит в Париж. Он ссылался на свои разговоры с доктором Райхлем, сотрудником службы безопасности в Париже, который проявил заинтересованность в участии Прибалтийского экзарха в церковной жизни Парижа. Райхль, по словам Проваторова, отправил доклад по этому вопросу (приезда экзарха в Париж) в министерство культов, в Восточное министерство и в гестапо. Одновременно с этим он настоятельно рекомендовал, чтобы руководство экзархата со своей стороны также отправило заявку в Берлин в министерство культов и постаралось заручиться поддержкой митрополита Берлинского Серафима (Ляде)⁴¹. Как видно из содержания письма, немецкий чиновник не был достаточно осведомлен о сложности положения экзарха Сергия. Сюда добавляется и крайне слабое понимание канонических трудностей, которое проявилось в совете заручиться поддержкой Берлинского митрополита. В 1943 г. именно митрополит Серафим (Ляде) оставался главным конкурентом экзарха Сергия в попытках распространить влияние за канонические границы своих епархий.

Трудно оценить объективность высказываний Проваторова, но можно предположить, что именно он в середине 1943 г. был в Париже основным «агентом» влияния и распространения идей экзарха Сергия. Проваторов писал экзарху, что его статьи и проповеди из газеты «Псковский вестник» пользуются успехом, их переписывают от руки. Авторитет экзарха Сергия среди православных парижан разных юрисдикций был довольно высок, потому Проваторов не без эмоционального подъема пишет: «Атмосфера благоприятная для Вашего приезда. Вас ждут все: и Ваши друзья, и евлогийцы. <...> Пишите мне, дорогой Владыко, Ваших писем ко мне и Ваших указаний и ответов ждет весь Париж»⁴².

Несмотря на такие восторженные описания, экзарх все больше сомневался в реальной готовности и желании митрополита Евлогия прилагать усилия для возвращения приходов его юрисдикции в лоно Московской Патриархии. В своей откровенной переписке со старым знакомым протоиереем Н. Цветковым⁴³ он с нотками горькой усталости пишет: «Меня волнует вопрос наших церквей и общин в Париже, но сейчас я едва ли что смогу сделать. Чувствуется, что м. Евлогий готов был бы признать свое отпадение, но какие-то причины (больше внешние, по моему глубокому убеждению) мешают ему отойти в вечность примиренным с Матерью-Церковью. Стараются парижане, стараюсь и я, а там что Господь даст»⁴⁴.

⁴⁰ Выдержки из письма А. Проваторова из Парижа Экзарху, 22 мая 1943 г. (см.: Приказ: архив уничтожить!.. С. 188).

⁴¹ Там же. С. 188–189.

⁴² Там же. С. 191.

⁴³ Протоиерей Николай Цветков — полковой священник Русского экспедиционного корпуса во Франции в 1916–1917 гг. В 1925 г. вернулся в Москву. С 1933 г. вновь во Франции и в период немецкой оккупации служил в Париже на Трехсвятительском подворье юрисдикции МП. Позже получил назначение в Ниццу.

⁴⁴ Письмо экзарха Сергия священнику Н. Цветкову в Париж, 9 июля 1943 г. (см.: Приказ: архив уничтожить!.. С. 261).

Практически одновременно с этим письмом П. Е. Ковалевский, также возлагавший определенные надежды на митрополита Сергия (Воскресенского), в своем дневнике оставил запись (от 18/31 июля 1943 г.), вполне созвучную вышеприведенным строчкам экзарха: «Видимо, дело с окончанием раскола отложено. Митрополит Сергей (Воскресенский) — в Пскове, кроме того, на него возложено дело обслуживания духовенства армии Власова. Священников нет, надо подготовить кандидатов, и ему не до Парижа»⁴⁵.

На самом деле экзарх думал о положении православных общин в Европе. В своем письме начальнику экзаршей канцелярии Гримму он фактически отказался от заманчивой идеи поездки в Париж и наметил дальнейшие возможные шаги по реализации внешнецерковных планов. Благодаря отчетам и рекомендациям профессора Гримма митрополит Сергей утвердился в мысли, что его «поездка в Париж связывается больше с политическими интригами, нежели с делом чисто церковным». К этому он добавил личные замечания: «К тому же Евлогий очень заболел, и мне думается, у нас с ним ничего не выйдет». Несмотря на это, экзарх Сергей предложил Гримму вновь вернуться к идее назначения в Париж викарного епископа Московской Патриархии, выбрав для этого кандидатуру настоятеля Трехсвятительского подворья в Париже: «...целесообразнее ли будет просить дать возможность прибыть в Ригу Архимандриту Афанасию, для архиерейской хиротонии. Мы бы могли это осуществить во время архиерейского совещания»⁴⁶.

Хотя начальник отдела политики Рейхскомиссариата Остланд Трампедех в разговоре с Гриммом в сентябре 1942 г. отчетливо дал понять, что вопрос с назначением викария митрополитом Литовским Сергием (Воскресенским) в Париж обречен на провал, летом 1943 г. военно-политическая обстановка менялась не в пользу Германии, а это, в свою очередь, казалось бы, предоставляло новый шанс на усиление канонических позиций экзарха Сергия.

Для митрополита Сергия пропагандистский проект немецких служб под названием РОА (Русская освободительная армия) имел сугубо церковное значение. Он понимал, что поскольку сам генерал А. А. Власов и его штаб находятся в Германии, то и формирование будущих частей РОА будет происходить на канонической территории митрополита Берлинского Серафима. Этот факт естественным образом давал клиру РПЦЗ преимущество в создании штата военного духовенства для добровольческих частей.

С этой проблемой экзарх Сергей столкнулся в Пскове, в пригороде которого в мае 1943 г. был расквартирован гвардейский батальон РОА под командованием офицеров-эмигрантов. Вместе с ними в качестве полкового священника⁴⁷ на территорию Ленинградской епархии прибыл архимандрит Гермоген (Кивачук), находившийся тогда в юрисдикции РПЦЗ. Попытки совместного служения с духовенством Псковской Православной миссии, предпринятые архимандритом Гермогеном, оказались безуспешными. Начальник Управления миссии про-

⁴⁵ Пасхальный свет на улице... С. 317.

⁴⁶ Выдержка из письма экзарха Сергия И. Д. Гримму, 6 июля 1943 г. (см.: Приказ: архив уничтожить!.. С. 434.

⁴⁷ Сам архим. Гермоген (Кивачук) говорил о себе как о протопресвитере военного духовенства РОА, получившем это назначение от митр. Серафима (Ляде).

топресвитер Кирилл Зайц уведомил зарубежного священника, что совместное служение станет возможным лишь в том случае, если архимандрит Гермоген перейдет в юрисдикцию Московской Патриархии.

После подробного доклада о Кирилле в Ригу в экзаршей канцелярии был срочно подготовлен особый меморандум о религиозном обслуживании воинских частей генерала Власова. Этот документ был направлен в ведомство Рейхскомиссара Лозе. Пользуясь вполне конкретной проблемой, автор меморандума вновь поднимает вопрос о единой церковной структуре в юрисдикции Московской Патриархии: «Каноническая юрисдикция Московского Патриаршего престола на занятой территории имеет значение не только с церковной, но и с военно-политической и особенно пропагандистской точки зрения». Неотложной задачей для оккупационных властей экзарх Сергей считал создание условий для «организационной унификации Православной Церкви на занятой территории»⁴⁸. Именно такое центральное церковное руководство могло бы взять на себя духовное попечение о власовских частях. Экзарх предостерегал немецкие власти от непоправимой ошибки «поручить обслуживание этих войск схизматической, тем более находящейся в Берлине церковной организации». Выпад в сторону РПЦЗ экзарх Сергей усиливал доводами военного свойства и успешности проекта РОА: «Что касается Православной Церкви России, то освободительная армия должна обещать ей как раз освобождение, а не завоевание схизматиками. Иначе эта армия едва ли может победить»⁴⁹.

В июне 1943 г. пропагандистская поездка пленного генерала по оккупированным городам Севера-Запада России была прервана из-за слишком смелых речей перед местным населением⁵⁰. В частности, Власов говорил, что цель его деятельности — возрождение великой России, свободной от большевиков. Германия в этой борьбе расценивалась русским генералом в качестве союзника, а в будущем рассматривалась как равноправный партнер и дружественная держава. В некоторых случаях генерал Власов публично выступал с критикой восточной оккупационной политики Германии. В начале июля Власова отправили в Берлин под домашний арест, а реальное создание Русской Освободительной армии отодвинулось почти на полтора года. Вопрос о полковом священстве для власовских частей стал актуален в то время, когда экзарх Сергей был убит, а большая часть Прибалтики освобождена от немецких войск.

События сентября 1943 г. в Москве внесли свои коррективы в церковную политику православных епископов на оккупированных территориях. Избрание Патриарха Сергея и начало «нового курса» сталинской религиозной политики заставили оккупационные власти перейти на более жесткие позиции в отношении всех церковных объединений, сохранявших юрисдикционную принадлежность Московской Патриархии. Идеологический поворот в политике советского

⁴⁸ Меморандум митрополита Сергея в ведомство Рейхскомиссара Остланда о религиозном обслуживании войск генерала Власова (см.: Шкаровский М. В., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма... С. 233).

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ В апреле 1943 г. в ходе посещения Власовым города Риги состоялась его личная встреча с экзархом Сергием (Воскресенским).

правительства осложнял осуществление планов экзарха Сергия по объединению разрозненных частей православных церквей на оккупированных территориях России и Европы.

На соборе епископов в Москве 8 сентября 1943 г. был принят документ «Осуждение изменников вере и отечеству», в котором была дана оценка всем православным христианам, служившим на оккупированных территориях с ведома немецких властей: «Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана»⁵¹. Такой «приговор» был вынесен в том числе духовенству и епископам Прибалтийского экзархата. Этот документ, широко распространенный и на оккупированных территориях, повлек за собой серьезный подрыв авторитета Экзарха Сергия и стал свидетельством того, что отныне единственный центр Московской Патриархии, а в перспективе и вселенского православия будет находиться только в Москве.

Среди православных парижан весть об избрании Патриарха в Москве и первых действиях Синода вызывали различные отклики. Так, например, Ковалевский в дневнике (от 5/18 сентября 1943 г.) выразил сочувствие экзарху Сергию: «Издан первый акт “Синода”, который по своей грубой политичности и отрицанию канонов Церкви больно отзовется во всех православных сердцах. Все, кто сотрудничал или сотрудничают с немцами или с ними работает, отлучаются от Церкви, а священнослужители извергаются из сана. Поистине это — чудовищный антихристианский акт под видом соборного постановления. Митрополит Сергей (Литовский) тем самым извержен из сана, как восстанавливающий церкви в сотрудничестве с немцами. Начало нового “церковного учреждения” говорит само по себе. Бедная Церковь! Из гонений попасть в пленение горшее и худшее, чем когда-либо было!»⁵²

Естественно, клирики и большинство прихожан Трехсвятительского подворья в Париже как послушники Московского Патриарха иначе воспринимали события в Москве. Определенные колебания уже осенью 1943 г. были отмечены и в поведении митрополита Евлогия (Георгиевского), совсем недавно делавшего ставку на укрепление церковных связей с Прибалтийским экзархом. Косвенное свидетельство таких изменений содержится в письме Проваторова от 18 ноября 1943 г. Он признавал, что дело приезда Экзарха Сергия в Париж становится все менее осуществимым, особенно после того, как в Москве прошли выборы Патриарха. Здесь же автор письма описывал двойственность позиции митрополита Евлогия: «М. Евлогий, как и всегда, остался и сейчас самим собою. С одной стороны: “Вот и хорошо, что теперь у нас (!) Патриарх есть, с этим я и буду говорить”. С другой стороны — когда ему говорят, что если это так, то есть законный иерарх, которому дано право соединения, он отвечает: “Да, конечно, но знаете ли м. Сергей немцам служит”»⁵³.

⁵¹ Осуждение изменников вере и отечеству // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 1.

⁵² Пасхальный свет на улице Дарю... С. 321–322.

⁵³ Отрывки из письма А. Проваторова из Парижа Митрополиту Сергию, 18 ноября 1943 г. (см.: Приказ: архив уничтожить!.. С. 193).

Естественно, не стоит забывать, что это лишь интерпретация слов и поступков митрополита Евлогия в изложении Проваторова. Однако развитие событий, связанных с послевоенной реализацией планов возвращения западноевропейских приходов в юрисдикцию Московской Патриархии, и ключевая роль, которую в этом играл именно митрополит Евлогий, позволяют принять суждения Проваторова как заслуживающие доверия. Для митрополита Евлогия были одинаково важными и осуждение экзарха Сергия на Московском соборе, и лояльная оценка восстановления патриаршества в Русской Церкви, прозвучавшая из уст Патриарха Константинопольского⁵⁴.

Однако совершенно отказаться от внешнецерковных планов экзарх не мог себе позволить. В начале апреля 1944 г. в Риге состоялось архиерейское совещание Прибалтийского экзархата, в результате которого было выпущено особое воззвание православным гражданам, находящимся в пределах прибалтийских епархий. Центром этого призыва стало разоблачение религиозной политики сталинского правительства, которая становилась все более популярной и среди представителей русской эмиграции: «Мы призываем вас не поддаваться большевистским наущениям и не верить большевистским посулам! <...> Сталин не Савл и Павлом не станет!»⁵⁵.

Убийство экзарха Прибалтики 29 апреля 1944 г. не прошло незамеченным в заграничной среде русского православия. Ковалевский в своем дневнике также оставил характерную запись от 19 апреля / 2 мая 1944 г.: «Во французских газетах краткое сообщение об убийстве между Вильной и Ковно митрополита всея Литвы Сергия, который управлял русскими церквами во всей Прибалтике и в оккупированных областях на правах патриаршего экзарха. Патриаршие церкви во Франции оказались без епископского водительства, которое хоть и довольно фиктивно и далеко, но все же существовало»⁵⁶.

Следует отметить, что после гибели экзарха Сергия (Воскресенского) идея о собирании православных церквей в противовес «Всеpravославному единству», задуманному Сталиным, не была оставлена совсем, хотя и не имела столь харизматичного лидера, каким являлся митрополит Сергий.

Профессор Гримм оставался защитником курса митрополита Сергия (Воскресенского): он убеждал немецких чиновников в необходимости сохранить Прибалтийский Экзархат, оставить его в юрисдикции Московской Патриархии. Вместе с тем он пытался предложить оккупационным властям новый проект по объединению православных церквей вокруг Прибалтийского экзархата⁵⁷. Одна-

⁵⁴ См.: Шкаровский М. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь... С. 99.

⁵⁵ Обращение совещания архиереев и пастырей Прибалтийского Экзархата «Православным людям в Литве, Латвии и Эстонии», 5 апреля 1944 г. // Шкаровский М., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма... С. 256.

⁵⁶ Пасхальный свет на улице Дарю... С. 347.

⁵⁷ Телеграмма начальника отдела политики рейхскомиссариата Остланд в Восточное министерство о необходимости сохранения экзархата Московской Патриархии, 10 мая 1944 г. (за подписью Ландесдиректора Трампедаха) // Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха... С. 238.

ко стремительное наступление Красной армии на Запад не оставило шансов на исполнение этих планов.

Заканчивая это краткое исследование, можно сказать, что Патриарший экзарх Сергей (Воскресенский) весь период немецкой оккупации сохранял верность Московской Патриархии и стремился в своей деятельности руководствоваться принципом церковного единства. В первые месяцы оккупации Прибалтики митрополит Сергей обратился к властям Остланда с инициативой объединения Прибалтийского экзархата с Белорусской Церковью. Экзарх Сергей, будучи митрополитом Литовским, не без оснований считал себя правящим епископом и для патриарших приходов в Западной Европе, а потому добивался возможности установить непосредственную связь с этими общинами посредством своего визита в Париж или назначением во Францию викарного епископа. Кроме того, уже в 1942 г. были предприняты первые шаги для возвращения евогианских приходов в юрисдикцию Московской Патриархии. В случае достижения этих целей экзарх был готов к тому, чтобы содействовать возвращению в юрисдикцию Московской Патриархии и епархий Зарубежной Церкви.

Однако эти планы в основном так и остались только планами по разным причинам. Основная — сильнейшее противодействие экзарху Сергию со стороны чиновников Восточного министерства и партийного руководства в Берлине.

На втором месте причина, вызванная к жизни национальными и автокефальными амбициями некоторых церковных деятелей в Прибалтике, Белоруссии и в Европе, не понимавших, что именно в церковном единстве кроется успех духовной борьбы с большевизмом⁵⁸.

Третья причина была обусловлена тем влиянием, которое оказывали на церковную ситуацию успехи Красной армии и советская пропаганда, особенно усилившаяся после сентября 1943 г. После избрания Патриарха Сергия в Москве был намечен единственный центр для собирания православных церквей под эгидой Московской Патриархии.

Таким образом, задуманное митрополитом Сергием (Воскресенским) в годы войны собирание православных церквей в единую структуру было в определенной степени реализовано церковными посланниками Москвы в 1945–1946 гг., когда некоторые приходы и епархии Европы возвращались в Московскую Патриархию. Однако если митрополит Николай (Ярушевич) осуществлял церковно-пропагандистские поездки в Париж, приглашая церковную эмиграцию вернуться на родину по заданию советского правительства, то митрополит Сергей (Воскресенский) стремился объединить православные церкви вопреки политическим интересам и советского, и нацистского режимов. Это не в последнюю очередь стало одной из причин трагической гибели Экзарха Сергия.

Ключевые слова: Прибалтийский экзархат, Московская Патриархия, западноевропейские приходы, митрополит Сергей (Воскресенский), религиозная политика Третьего рейха, немецкая оккупация, Псковская Православная миссия.

⁵⁸ См.: Записка митрополита Сергия (Воскресенского) “Большевизм надо сокрушить” 14 мая 1943 г. // Шкаровский М. В., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма... С. 224–228.

Список литературы

- Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 14. С. 118–154.
- Балевиц З. Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига, 1967.
- Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.
- Гаврилин А. В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб., 2009.
- Голиков Андрей, свящ., Фомин С. Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955): Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. М., 1999.
- Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004.
- Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М., 2015.
- Лаукайтис Р. Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского) // Православие в Балтии. Рига. 2015. №3(12). С. 97–109.
- Миронович А. В. Православная Церковь на территории Белоруссии во время Второй мировой войны // Православие в Балтии. Рига. 2015. №3 (12). С. 62–75.
- Обозный К. П. Профессор Иван Давыдович Grimm. Штрихи к биографии // Православие в Балтии. 2015. № 3 (12). С. 76–96.
- Осуждение изменников вере и отечеству // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 1.
- Пасхальный свет на улице Дарю. Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов / сост. Н. Росс. Н. Новгород, 2014.
- Петров И. В. Православная Балтия 1939–1953 годов. Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб., 2016.
- Приказ: архив уничтожить! Прибалтийский Экзархат и Псковская Православная Миссия в годы немецкой оккупации 1941–1944: сб. документов / авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2016.
- Савва (Тутунов), иеромонах. Церковно-правовые основания существования “Парижской Митрополии” в 1921–1946 годах // Церковно-исторический вестник. М.: Изд. общества любителей церковной истории. 2005–2006. № 12–13. С. 104–113.
- Шкаровский М. В., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма (Митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике 1941–1944 гг.) М., 2013.
- Шкаровский М. В. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М., 2014.
- Шкаровский М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов: сб. документов. М., 2003.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-
Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.
Seriiia II: Istoriiia. Istoriiia Russkoi
Pravoslavnoi Tserkvi.
2019. Vol. 88. P. 58–77
DOI: 10.15382/sturII201988.58-77

Konstantin Obozny,
Candidate of Sciences in History,
Department of Church-Related and Historical Disciplines,
St. Philaret's Orthodox Christian Institute,
29 Pokrovka Str., Moscow, 105062, Russian Federation
suhopot2006@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5284-4884

PLANS AND PROSPECTS OF UNITING ORTHODOX CHURCHES IN OCCUPIED TERRITORIES OF USSR AND CENTRAL EUROPE UNDER AEGIS OF EXARCH SERGIY (VOSKRESENSKIY) IN 1941–1944

K. OBOZNY

Abstract: This article shows main directions in the external policy of metropolitan Sergiy (Voskresenskiy), who during the period of April 1941 to May 1944 was in charge of the Baltic exarchate of Moscow patriarchy. The main sources are made up of the published materials of the German occupant offices that dealt with church issues; documents of the office of the Baltic exarchate; diary notes and memoirs of the participants of the relevant events. The study of these records allowed us to find out that contacts and negotiations with German occupant authorities and preserving the jurisdictional unity with Moscow patriarchate were important elements in exarch's church policy which was aimed at uniting Orthodox churches under the aegis of Moscow patriarchy. Metropolitan Sergiy attempted to extend his church power and, consequently, canonical borders of Moscow patriarchy, over the whole territory of Reichskommissariat Ostland, over the occupied territory of Smolensk region, over the territories of France and Germany. In Central Europe, Orthodox parishes of Moscow patriarchy and those of metropolitan Evlogiy (Georgievskiy) were preserved; they were under serious pressure of German authorities. The Baltic exarch tried to support not only parishes of Moscow patriarchy, but also Eulogian communities that were under the jurisdiction of patriarch of Constantinople, thus offering them to return to the jurisdiction of Moscow. Exarch's plans to unite Orthodox churches into a single structure contradicted the general doctrine of the Third Reich and were therefore doomed to failure. However, one should not underestimate the changes at the battlefields of World War II and strengthening of power of the USSR, including the significance of the "new course" of Stalin's religious policy. It was because of this that metropolitan Evlogiy in Paris after the election of patriarch in Moscow ceased to connect with the Baltic exarchate his hopes to return to Moscow patriarchate.

Keywords: Baltic exarchate, Moscow patriarchate, West-European parishes, metropolitan Sergiy (Voskresenskiy), religious polity of Third Reich, German occupation, Pskov Orthodox Mission.

References

Alekseev V., Stavru F. (1981) "Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' na okkupirovannoi nemtsami territorii" [Russian Orthodox Church in the Territory Occupied by the Germans]. *Russkoe Vozrozhdenie*, 1981, vol. 14, pp. 118–154 (in Russian).

- Balevits Z. (1967). *Pravoslavnaia tserkov' Latvii pod sen'iu svastiki (1941–1944)* [Orthodox Church in Latvia in the Shade of Swastika]. Riga (in Russian).
- Bernev S., Rupasov A. (eds.) (2016) *Prikaz: arkhiv unichtozhit'! Pribaltiiskii Ekzarkhat i Pskovskaia Pravoslavnaia Missiia v gody nemetskoj okkupatsii 1941–1944: sbornik dokumentov* [Order: The Archive Must Be Destroyed! Baltic Exarchate and Pskov Orthodox Mission during German Occupation of 1941–1944: Collection of Documents]. St. Petersburg (in Russian).
- Gavrilin A. (2009) *Pod pokrovom Tikhvinskoi ikony. Arkhipastyrskii put' Ioanna (Garklavsa)* [Under Defense of Tikhvin Icon. Archpriest's Path of Ioann (Garklavs)]. St. Petersburg (in Russian).
- Golikov A., priest, Fomin S. (1999) *Krov'iu ubelennye. Mucheniki i ispovedniki Severo-Zapada Rossii i Pribaltiki (1940–1955): Martirolog pravoslavnykh sviashchennosluzhitelei i tserkovnosluzhitelei Latvii, repressirovannykh v 1940–1952 gg.* [Cleansed with Blood. Martyrs and Confessors of North-West of Russia and the Baltics (1940–1955): Martyrology of Priests and Church People of Latvia Repressed i 1940–1952]. Moscow (in Russian).
- Kostriukov A. (2015) *Russkaia Zarubezhnaia Tserkov' v 1939–1964 gg. Administrativnoe ustroistvo i otnosheniia s Tserkov'iu v Otechestve* [Russian Church Abroad in 1939–1964. Administrative Structure and Relations with the Church in Motherland]. M., 2015.
- Kovalev B. (2004) *Natsistskaia okkupatsiia i kollaboratsionizm v Rossii 1941–1944* [Nazi Occupation and Collaboration in Russia, 1941–1944]. Moscow (in Russian).
- Laukaitite R. (2015) “Litovskaia pravoslavnaia eparkhiia pod vlast'iu mitropolita Sergiia (Voskresenskogo)” [Lithuanian Orthodox Diocese under Power of Metropolitan Sergiy (Voskresenskiy)]. *Pravoslavie v Baltii*, 2015, vol. 3 (12), pp. 97–109 (in Russian).
- Mironovich A. (2015) “Pravoslavnaia Tserkov' na territorii Belorussii vo vremia Vtoroi mirovoi voiny” [Orthodox Church in the Territory of White Russia during World War II]. *Pravoslavie v Baltii*, 2015, vol. 3 (12), pp. 62–75 (in Russian).
- Oboznyi K. (2015) “Professor Ivan Davydovich Grimm. Shtrikhi k biografii” [Professor Ivan Davydovich Grimm. Materials for Biography]. *Pravoslavie v Baltii*, 2015, vol. 3 (12), pp. 76–96 (in Russian).
- Osuzhdenie izmennikov vere i otechestvu* (1943) [Denunciation of Traitors of Faith and Motherland]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, 1943, vol. 1, p. 1 (in Russian).
- Petrov I. (2016) *Pravoslavnaia Baltiia 1939–1953 godov. Period voin, repressii i mezhnatsional'nykh protivorechii* [Orthodox Baltia in 1939–1953. Period of Wars, Repression, and Interethnic Discord]. St. Petersburg (in Russian).
- Ross N. (ed.) (2014) *Paskhal'nyi svet na ulitse Dariu. Dnevniky Petra Evgrafovicha Kovalevskogo 1937–1948 godov* [Easter Light in Dariu Street. Diaries of Petr Evgrafovich Kovalevsky of 1937–1948]. Nizhniy Novgorod (in Russian).
- Savva (Tutunov), hieromonk (2005–2006) “Tserkovno-pravovye osnovaniia sushchestvovaniia “Parizhskoi Mitropolii” v 1921–1946 godakh” [Ecclesiastic and Legal Foundations for the Existence of “Paris Metropoly” in 1921–1946”. *Tserkovno-istoricheskii vestnik*, 2005–2006, vol. 12–13, pp. 104–113 (in Russian).
- Shkarovskii M., Solov'ev I., priest (2013) *Tserkov' protiv bol'shevizma* [Church against Bolshevism]. Moscow (in Russian).
- Shkarovskii M. (2003) *Politika Tre'tego reikha po otnosheniiu k Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v svete arkhivnykh materialov 1935–1945 godov: sbornik dokumentov* [Policy of the Third Reich as to the Russian Orthodox Church in the Light of Archive Materials of 1935–1945: Collection of Documents]. Moscow (in Russian).
- Shkarovskii M. (2014) *Konstantinopol'skii Patriarkhat i Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v pervoi polovine XX veka* [Constantinople Patriarchate and Russian Orthodox Church in the First Half of the 20th Century]. Moscow (in Russian).
- Vasil'eva O. (2001) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948gg.* [Russian Orthodox Church in the Policy of the Soviet State in 1943–1948]. Moscow (in Russian).